

ТЕКСТЫ С КОММЕНТАРИЯМИ

ОБЪЕМ И ОРГАНИЗАЦИЯ МАТЕРИАЛА

Ниже приводятся тексты берестяных грамот с лингвистическим комментарием. В книгу включены практически все сколько-нибудь значительные берестяные грамоты, известные к концу 2003 г., написанные по-древнерусски и по-церковнославянски. За рамками нашей выборки оставлены в основном лишь ничтожные фрагменты, где надежно читаются только 1–2 слова или даже не читается ни одного целого слова. В отличие от ДНД₁, в выборку теперь включены также азбуки и склады.

Основную часть приводимого ниже собрания текстов составляют берестяные грамоты нецерковного характера, найденные в Новгороде, Городище, Старой Руссе, Торжке и Пскове. Все прочие тексты, включенные в выборку, даны лишь в качестве приложений.

Так, включены некоторые др.-новг. надписи, а также несколько важных для изучения др.-новг. диалекта пергаменных и бумажных актов, которые по тем или иным причинам оказалось целесообразным опубликовать заново.

Другую группу приложений составляют берестяные грамоты, найденные в Твери, Смоленске, Витебске, Звенигороде Галицком. Эти грамоты отражают не древненовгородский, а другие диалекты; но для целей настоящей книги их весьма полезно иметь в поле зрения, поскольку они могут служить наглядным материалом для сопоставления диалектов. В эту же группу помещена новгородская берестяная грамота № 246, имеющая заведомо неновгородское происхождение (однако новгородские грамоты, иногороднее происхождение которых лишь предположительно, даются в основном корпусе).

Третью группу приложений составляют берестяные грамоты церковного характера; сюда входят как собственно церковнославянские тексты (молитвы, литургические тексты), так и некоторые документы, лишь приближающиеся к ним по языку (часть заговоров, поминальные списки, заказы на иконы и др.). Эти документы имеют для наших целей второстепенное значение, но всё же в определенных отношениях представляют немалый интерес.

Материал разбит на пять хронологических разделов:

А. XI и 1 четв. XII в.

Б. 2 четв. XII – 10-е гг. XIII в. Состоит из двух подразделов: Б I (ок. 1125 – ок. 1160 г.) и Б II (ок. 1160 – ок. 1220 г.).

В. 20-е – 90-е гг. XIII в.

Г. XIV в. Состоит из двух подразделов: Г I (ок. 1300 – ок. 1360 г.) и Г II (ок. 1360 – ок. 1400 г.).

Д. XV в.

С лингвистической точки зрения разделы А и Б соответствуют раннедревнерусскому периоду, В, Г и Д — позднедревнерусскому. Раздел Б соответствует периоду, в течение которого в др.-новг. диалекте происходило падение редуцированных (неконечных). Подробнее см. § 2.19.

Грамоты, хронологически пограничные, отнесены к тому или другому разделу с некоторой долей условности — в соответствии с тем, к какому из двух разделов они ближе по своим лингвистическим и графико-орфографическим особенностям. Для читателя условные решения такого рода не опасны, поскольку при каждой грамоте непосредственно приводятся сведения о ее датировке.

Внутри раздела грамоты тоже располагаются, в той мере, в которой этому не мешают другие соображения, примерно в хронологическом порядке — насколько это вообще возможно в условиях, когда все датировки приблизительны. Однако здесь хронологический принцип уже не рассматривается как единственно существенный, а учитываются также внутренние связи между документами, в первую очередь: тождество почерка, тождество фигурирующих в тексте лиц, близость мест находки.

Группа грамот, написанных одним почерком, — так наз. блок — всегда приводится вместе. Кроме того, обычно приводятся вместе также грамоты, объединенные участием в них одного и того же лица (или лиц), хотя бы между этими грамотами и были некоторые хронологические различия (но при значительных хронологических различиях они всё же даются раздельно).

Грамоты, приводимые вместе, образуют внутри соответствующего раздела единую статью. Соответственно, раздел (или подраздел) членится не непосредственно на грамоты, а на статьи, каждая из которых может включать либо одну, либо несколько грамот. Обозначение статьи состоит из символа раздела и номера, например: А 10, Г 25.

Грамоты с одинаковой датировкой, найденные поблизости друг от друга (на одной и той же усадьбе, на соседних усадьбах), ставятся, насколько это позволяют прочие условия, рядом. Грамоты из Городища, Старой Руссы, Торжка и Пскова помещаются внутри раздела (подраздела) после новгородских.

Таким образом, только разбиение на разделы и подразделы имеет непосредственный хронологический смысл. Место грамоты внутри раздела (подраздела) столь же прямого хронологического смысла, строго говоря, не имеет.

Грамоты, включенные в книгу, подразделяются также по другому принципу на следующие две категории: 1) основная категория (куда входит подавляющее большинство грамот, сохранившихся в целом виде, и значительная часть умеренно фрагментированных грамот); 2) документы, представляющие меньший лингвистический интерес (это большинство грамот, от которых сохранились лишь небольшие обрывки, а также некоторые совсем краткие записи). Каждая грамота основной категории разбирается и комментируется индивидуально. Грамоты второй категории приводятся без индивидуального разбора.

Укажем также некоторые общие установки, которым мы следовали (в частности, с тем, чтобы заранее предупредить читателя о том, чего он в нашем изложении не найдет). Эти установки таковы: 1) грамоты разбираются прежде всего с лингвистической точки зрения; на их всесторонний анализ мы не претендуем; 2) разбор должен быть относительно кратким — чтобы книга не разрослась за разумные пределы и материал не потерял обзорности.

Установка на собственно лингвистический анализ означает, в частности, что мы не берем на себя обязательства сопровождать каждую грамоту историческим, историко-культурным, географическим и т.п. комментарием. При многих грамотах, правда, краткие замечания на эти темы даются (в особенности там, где персонажи грамоты отождествляются с историческими лицами). Но в принципе мы исходим из того, что за подобными сведениями читатель все равно должен обращаться к соответствующим работам историков и археологов — в первую очередь к томам НГБ и к книгам Янин 1965, 1975, 1998, Черепнин 1969.

Не разбираются также палеографические характеристики приводимых грамот (хотя реально они учтены при установлении их внестратиграфической датировки).

Стремление к краткости реализуется прежде всего в том, что стереотипные части комментария (в особенности в разделах графики, фонетики, морфологии) записываются очень сжато, почти формульно — с использованием особых условных обозначений и сокращений. Во-вторых, наблюдения, уже опубликованные нами ранее, обычно не повторяются, а лишь кратко пересказываются (с отсылкой к более полному изложению); возможна и отсылка без пересказа (там, где это не грозит разрывом связности мысли).

Кроме того, сведена к минимуму (часто вообще снята) информация об истории изучения конкретных грамот¹, в особенности об истории ошибок и ложных чтений, и соответствующая полемика. Мы можем себе позволить такой вид сокращения главным образом потому, что этот трудоемкий (и занимающий очень много места) анализ в значительной мере уже проделан нами в работах Попр.–VIII, Попр.–IX, Попр.–X; читатель может обратиться к этим работам. Сказанное, конечно, не означает, что мы по всем спорным вопросам предлагаем читателю лишь одно решение. Возможность альтернативных решений отмечается и обсуждается довольно часто, но всё же как правило лишь в тех случаях, когда эти решения представляются нам “конкурентоспособными”.

Новые интерпретации, предложенные различными авторами в относительно недавнее время, по возможности учитываются. Многие из них в настоящей книге приняты; но упоминать и обсуждать те из них, которые не представляются удачными, мы могли в рамках данной работы лишь изредка. Особо отметим, что в толковании целого ряда грамот достигнут значительный прогресс благодаря принципиально важной работе Гиппиус 2004а, где разработана техника анализа отраженной в грамоте коммуникативной ситуации и продемонстрирована роль этого фактора в понимании текста грамоты. Разборы многих грамот пополнены ниже полученной в этой работе оценкой соответствующей коммуникативной ситуации (что уже может в каждом отдельном случае специально не оговариваться).

Краткость комментариев по вопросам графики, фонетики и грамматики оправдывается тем, что более общую (или более эксплицитную) информацию читатель может найти в соответствующем параграфе первой части книги. При этом, однако, чтобы не загромождать изложение сверх необходимости, прямые отсылки к параграфам первой части даются далеко не по каждому поводу, а лишь там, где обращение за справкой к первой части представляется нам наиболее желательным или где найти нужный параграф почему-либо не совсем просто.

¹ Библиографические сведения об имеющихся в научной литературе комментариях к конкретным грамотам дает сводка “От грамот к комментаторам” (с. 862–865).

Текст каждой грамоты дается не по изданию², а в соответствии с нашим нынешним состоянием знаний о нем. Это относится ко всем уровням представления текста — от результата считывания букв с оригинала до перевода. Подчеркнем, однако, что особое внимание уделено именно первичному, фундаментальному уровню, на котором текст предстает еще просто как цепочка букв; ведь именно к этому уровню относится немалая часть ошибок в ранних чтениях берестяных грамот.³ Изменения по сравнению с первоначальным изданием, которые обсуждены в Попр.–VIII, Попр.–IX или Попр.–X, в настоящей книге обычно уже более не оговариваются. Из уточнений, полученных уже после названных публикаций, наиболее важные указываются. Однако и здесь мы не берем на себя обязательства отмечать всё: это чрезмерно загромодило бы изложение.

Внесены некоторые уточнения, в том числе и по сравнению с ДНД₁ (как правило небольшие), также в стратиграфические датировки ряда грамот. В основу почти всех этих уточнений положены результаты многолетней работы П.Г.Гайдукова (пока еще не опубликованные) по проверке стратиграфических датировок грамот Неревского и некоторых других раскопов. При наличии расхождений с ДНД₁ (кроме совсем незначительных) приводимые в статьях стратиграфические даты снабжаются пометой «уточн.» (или даются соответствующие пояснения в комментариях).

СТРУКТУРА КОММЕНТАРИЕВ К ОТДЕЛЬНОЙ ГРАМОТЕ

1. Общие сведения: стратиграфическая и/или внестратиграфическая датировка; место находки (только для новгородских грамот), а именно, археологический раскоп, а также — для Неревского, Троицкого и Никитинского раскопов — усадьба⁴ (усадьбы обозначаются заглавными русскими буквами; перечень раскопов см. в § 1.3). Например, Нерев. Б — это усадьба Б Неревского раскопа, Троицк. Е — усадьба Е Троицкого раскопа. В начало статьи могут быть вынесены также сведения об исторических (и иных) лицах, фигурирующих в грамоте.

Стратиграфическая датировка обычно дается с небольшим округлением; жестких цифровых указаний (типа «1282–1299») мы избегаем, чтобы не создавать иллю-

² Берестяные грамоты из Новгорода и Старой Руссы изданы в серии под общим названием «Новгородские грамоты на бересте» (сокращенно: НГБ; см. список на с. 855), берестяные грамоты из других городов — в различных публикациях, список которых см. в НГБ VIII: 7–8. К этому списку теперь следует добавить: *Н. В. Жилина*. Тверская берестяная грамота №1 // Советская археология, 1987, №1, с. 203–216; *В. Г. Миронова*. Берестяные грамоты из Старой Руссы (находки 1985 г.) // Советская археология, 1990, №2, с. 216–225; *И. Свишников*. Звенигородські грамоти на бересті // Дзвін, 1990, №6, с. 127–131; *А. А. Зализняк, И. О. Колосова, И. К. Лабутина*. Псковские берестяные грамоты 6 и 7 // Российская археология, 1993, №1. С. 496–210; *Н. И. Асташова, А. А. Зализняк*. Берестяные грамоты из раскопок Заднепровья г. Смоленска // Историческая археология: традиция и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. М., 1998, с. 336–341; *Т. В. Рождественская*. Тверские берестяные грамоты № 3–5 // Тверской кремль: комплексное археологическое исследование (по материалам раскопа Тверской кремль – 11, 1993–1997). СПб., 2001, с. 185–189.

³ С целью устранения таких (и иных) ошибок большинство берестяных грамот (не только новгородских) было обследовано заново по оригиналу или по крайней мере по фотографии. В этой работе, которая проводится в Новгородской археологической экспедиции уже в течение многих лет, принимали участие, помимо автора настоящей книги, В. Л. Янин, В. И. Поветкин, Е. А. Рыбина, А. А. Гиппиус, Г. А. Федонина, Т. В. Рождественская.

⁴ Несколько грамот ныне отнесены к другой усадьбе, чем прежде; это связано с уточнением линии межусадебного частокола при позднейшей обработке полевых данных.

зию полной точности там, где ее в действительности нет (ср. § 1.5). Пометой «предпочт(ительно)» может быть выделен более узкий интервал, являющийся с археологической точки зрения наиболее вероятным.

Внестратиграфическая датировка приводится прежде всего для грамот, не имеющих стратиграфической даты. Для прочих грамот она дается не систематически, а выборочно. Дело в том, что в очень многих грамотах просто недостаточно материала для получения удовлетворительной (т.е. не слишком широкой) внестратиграфической датировки. Там, где эта датировка оказывается намного шире стратиграфической, приводить ее нет смысла.⁵ Мы приводим внестратиграфическую датировку там, где она не слишком широка и вносит ощутимый дополнительный вклад в общую хронологическую оценку документа (а именно, сужает, корректирует или просто существенно подкрепляет данные стратиграфии); в основном это относительно большие грамоты.

Большинство приводимых внестратиграфических датировок взято непосредственно из НГБ X (с. 289–416), где читатель при желании может увидеть, на каких чертах грамоты основан полученный результат; прочие получены тем же методом.

Ради краткости записи внестратиграфическая датировка дается как точно очерченный временной интервал, без слова «приблизительно»; следует помнить об условности такой записи. Иногда вместо полной внестратиграфической датировки указывается только одна из ее границ: «не ранее (или не позднее) такого-то времени». Это возможно в случаях, когда противоположная граница отстоит от данной относительно далеко и практического значения для уточнения даты документа уже не имеет. Может быть указана также не вся внестратиграфическая датировка, а только ее предпочтительный отрезок.

Запись типа «№ 115+118» означает, что соответствующие грамоты написаны одним и тем же почерком (т.е. образуют блок).

Запись типа «№ 607/562» означает, что берестяные листы с этими номерами не только написаны одним почерком, но и представляют собой части единого документа; это могут быть изначально отдельные части двухлистного документа (как, например, № 519/520) или фрагменты некогда единого листа (как, например, № 607/562); подробнее см. § 1.4.

Запись типа «№ 332а», «№ 332б» применяется в тех случаях, когда берестяной лист содержит два разных почерка; каждый почерк здесь выступает как самостоятельный объект анализа (ср. § 1.4).

При разборе грамот, образующих блок, цитируемые словоформы обычно помечаются номером грамоты. Но если блок состоит из большой грамоты и малого фрагмента (или фрагментов), то при примерах из большой грамоты номер опускается. Например, в блоке № 219 + 223, где № 223 — малый фрагмент, используется только помета «223» (при этом действие такой пометы распространяется лишь на одну словоформу, а не на весь ряд предшествующих словоформ).

2. Текст грамоты. В соответствии с издательской традицией, текст приводится с разделением на слова. Разумеется, это уже элемент интерпретации, поскольку, как известно, в древнерусских подлинниках слова друг от друга не отделяются.

⁵ Отметим, в частности, что внестратиграфические датировки обычно бывают весьма широкими на краях нашей хронологической шкалы; соответственно, для грамот XI в. и грамот XV в. они приводятся сравнительно редко.

Текст грамот, разбираемых индивидуально, обычно дается строка в строку. Но если строки слишком длинные или слишком короткие (а также в некоторых других особых случаях), текст печатается подряд, с обозначением деления на строки (знак |). Таким же способом обычно печатаются грамоты, не разбираемые индивидуально. Поскольку с точки зрения информативности эти два способа эквивалентны, выбор того или другого из них не имеет принципиального значения. Внешне текст, набранный подряд, опознается по тому, что внутри него (т. е. не на его границах) хотя бы один раз встречается знак |.

При публикации текста грамот используется особый знак переноса: \approx (поскольку обычный знак переноса в этом случае был бы неотличим от обозначения лакуны длиной в одну букву).

Буква, которую автор пропустил, а затем приписал сверху или снизу при соответствующем месте, как правило, вносится в строку (это, конечно, не распространяется на случаи, где надстрочное написание выступает как орфографический прием). Вообще места, которые автор правил (зачеркивал, переправлял буквы и т. п.), воспроизводятся в их конечном виде; но все исправления отмечаются в комментариях.

Специально отметим, что при передаче текста соблюдается различие между графемами *o* и **o**, *e* и **e**. С другой стороны, так наз. “слитное *ou*” (где *o* и *u* сомкнуты или *o* заменяет собой левый усик от *u*), которое едва ли было самостоятельной графемой, передается как обычное *ou* (но в комментариях наличие “слитного *ou*” оговаривается). Буквы, представленные в грамоте в “зеркальном” начертании (в частности, *ц*, *ю*, *а*, *н*, *р*), передаются так же, как обычные. Буква “еры” в славянском шрифте всегда передается как **ы**, а в гражданском — как *ы*, независимо от характера ее начертания (**ь** или *ь* в левой части, наличие или отсутствие соединительной черты).

Надстрочные и разделительные знаки воспроизводятся по возможности точно; воспроизводится также внутренняя точка в так наз. *o* очном: **o**, **o**. Но приняты все же следующие условности: а) разделительная вертикальная черта передается не сплошной чертой, а пунктирной (чтобы избежать смещения со знаком конца строки); б) изредка встречающееся в грамотах разделительное троеточие передается так же, как разделительное двоеточие (т. е. в виде двоеточия).

Сам текст грамоты дается славянским шрифтом — в отличие от цитат из него внутри статьи, которые, в соответствии с общим принципом, принятым в настоящей книге (§ 0.5), даются курсивом гражданского шрифта (с добавлением недостающих букв). Заметим, что сказанное выше о надстрочных и разделительных знаках относится только к славянскому шрифту: в курсиве они не воспроизводятся, за исключением двух точек над *i* (в прочих случаях *i* десятиричное передается как *i*, независимо от наличия или отсутствия точки в оригинале). Еще одно отличие состоит в том, что в курсиве имена собственные даются с прописных букв, тогда как в тексте грамоты, набранном славянским шрифтом, — со строчных.

Буквы, интерпретируемые неоднозначно, даются в квадратных скобках, полностью утраченные (т. е. чистые конъектуры) — в круглых. Неоднозначность интерпретации может быть вызвана как тем, что часть буквы оторвана или стерлась, так и тем, что представленное в грамоте начертание, даже и полностью видимое, двусмысленно. Если неполностью видимая буква по сохранившейся части восстанавливается однозначно, она дается без каких-либо скобок.

При установлении неоднозначности учитывается только вид самой буквы (а не то, какие слова получаются при альтернативных чтениях). Однако допускаются отступления в случае, когда из альтернативных чтений все, кроме одного, дают невозможные сочетания букв; например, если между двумя надежными *m* видна верхушка буквы *i*, *n* или *ц*, то допускается запись *тит* (вместо *m[i]m*).

“Лишние” буквы, т.е. такие, которые писец написал по ошибке и затем заменил на правильные, но забыл или не дал себе труда зачеркнуть, даются в фигурных скобках. Разумеется, эта символика применяется лишь там, где имеется достаточная уверенность, что мы имеем дело именно с ошибкой.

Таким же способом выделяются и те буквы (или цепочки букв), которые писец по ошибке просто повторил (но повторение буквы или цепочки при переходе на новую строку мы сюда не относим, так как это могла быть и не ошибка, а допустимый прием записи). Поскольку обычно нельзя узнать, повторил ли писец букву, желая заменить неудачную, или просто по невнимательности, записи типа *{m}mi* и *m{i}i* признаются эквивалентными, и выбор между ними считается свободным.

Утраты текста отражаются следующими способами. Утраченная буква, если для нее не дается коньектуры (т.е. записи в круглых скобках), обозначается дефисом. Для многобуквенных лакун дается соответствующее число дефисов; следует, однако, помнить, что оценка числа утраченных букв никогда не может быть стопроцентно надежной, т.е. предложенное число дефисов является лишь наиболее вероятным.

Если длина лакуны неизвестна (или просто лакуна слишком велика), она обозначается многоточием.

Если разрыв проходит посреди слова, многоточие (или ряд дефисов) дается вплотную к фрагменту слова, например: *покл... , покл---, ...ану*. В противном случае оно дается с пробелом: *поклонь ... , поклонь --, ... Ивану*.

З а м е ч а н и е 1. Сложный случай составляет лакуна между двумя фрагментами слов. При записи с помощью дефисов здесь иногда возникает эффект вынужденного “склеивания” разных слов, например: *покл-----ану* (если мыслимо, скажем, как *поклонание Ивану*, так и *поклонь Родивану*). При записи с помощью многоточия этого эффекта легко избежать, а именно, нужно использовать многоточие дважды: *покл... ...ану*. Более того, в случае полной уверенности в том, что между крайними членами имелось еще по крайней мере одно слово, может быть использована запись с тремя многоточиями, типа *покл...ану*.

З а м е ч а н и е 2. Иногда оказывается полезно показать, что перед обрывом (или после обрыва) имеются еще какие-то не поддающиеся восстановлению буквы, от которых все же сохранились некоторые следы, т.е. отличить такие буквы от полностью утраченных. Тогда такие буквы символизируются дефисами (по числу букв), а полностью утраченные (в неизвестном количестве) — троеточием, например: *прав--...* Этот прием записи используется факультативно.

Если неизвестно, привел ли обрыв к какой-либо утрате текста (или его за обрывом и не было), то символ лакуны дается в скобках: (...).

Утрата одной или нескольких строк перед началом сохранившейся части текста символизируется знаком ... | слева от первой сохранившейся строки (соответственно, ...|, если разрыв прошел посреди слова). Аналогично, утрата конечной строки или строк символизируется знаком | ... справа от последней сохранившейся строки. Если неизвестно, были ли другие строки перед сохранившейся строкой (или, соответственно, после нее), используются те же знаки, взятые в скобки: (... |) и (| ...). Если при наборе для описанных здесь знаков не хватает места в строке, то знак утраты начальных строк может быть поставлен не слева от строки, а над ней, знак утраты конечных строк — не справа от строки, а под ней.

В фрагментированных грамотах единичные буквы, сохранившиеся от почти целиком утраченных строк, могут не воспроизводиться.

Что касается конъектур, то в сам публикуемый текст включаются только наиболее надежные из них (или, по крайней мере, высоковероятные). Менее надежные отмечаются в комментариях. В любом случае читатель легко может отделить реально сохранившийся текст от реконструированного.

После текста грамоты при необходимости даются дополнительные пояснения о внешнем виде грамоты, возможной величине утрат и т. п.

Если текст записан на обеих сторонах берестяного листа, даются пометы «внутренняя сторона», «внешняя сторона» (подразумевается: коры). Сторона, на которой записано начало текста, в дальнейшем может быть названа лицевой, а другая — оборотом.

3. Перевод. Для грамот, разбираемых индивидуально, перевод дается почти всегда; он может отсутствовать лишь при текстах банальной структуры (например, долговых списках) или слишком сильно поврежденных, а также в некоторых особых случаях.

В переводе квадратными скобками выделяются слова, не имеющие соответствия в оригинале (либо из-за утраты части текста, либо из-за эллипсиса в самом тексте), круглыми — различные пояснения. При этом, однако, квадратные скобки не даются там, где вставка слова определяется просто различием в способе выражения между древним и современным языком, т. е. диктуется нормами современной грамматики или стилистики.

После перевода (или перед ним, если это почему-либо удобнее) обсуждаются конъектуры для лакун.

Помимо перевода, могут быть даны также краткие комментарии по поводу отраженной в грамоте жизненной ситуации и ее участников, а также упоминаемых географических пунктов (как уже указано выше, без каких-либо претензий на полноту). С собственно лингвистической точки зрения из сведений этого рода наибольшую ценность представляют те, которые могут пролить дополнительный свет на датировку грамоты, или на ее связь с определенным географическим районом, или на источник ее стилистических особенностей. Этим объясняется, в частности, наш повышенный интерес к возможности отождествления персонажей грамоты с историческими лицами или с персонажами других грамот.

Особую проблему составляет передача в переводе имен собственных. Пример: как передавать др.-новг. *Офонось (Офоносе)* — как *Офонос?*, как *Афанас?*, как *Афанасий?* По этому поводу принято следующее практическое решение.

В переводах как правило используется прямое воспроизведение др.-новг. формы имени средствами современного языка: *Офонос, Олфоромей, Олександр, Онтан, Храрь* и т. д. Как исключение, в обычной нынешней форме берутся имена *Анна, Иван, Настасья, Савва, Семен, Филипп* (вместо *Ана, Ёвѧн, Ностасья, Сава, Смѧн, Филип*). Др.-новг. *Гюрги* воспроизводится как *Гюргий*; мужские имена с суффиксами *-ък-, -хън-* передаются по модели *Нежко, Стехно*. Если др.-новг. форма имени варьирует, то варьирует и его передача, например, *Онцифор* и *Онсифор, Гюргий* и *Гургий* — соответственно записи в оригинале.

В комментариях и в заголовках статей дело обстоит сложнее. В обычном случае применяется такая же запись, как в переводах. Но если речь идет о лицах, известных из летописи, то в соответствии с традицией, принятой у историков, использует-

ся литературная форма имени, например: *Афанасий, Варфоломей, Александр*. Таким образом, в рамках одной и той же статьи может встретиться, например, *Варфоломей* (в заголовке) и *Олфоромей* (в переводе текста).

Еще одну проблему составляют названия реалий. В большинстве случаев в переводе используется соответствующий исторический или этнографический термин (часто он прямо соответствует древнерусскому названию). Но для современного читателя такие термины сами нуждаются в разъяснениях. Поэтому после перевода (а иногда и внутри самого перевода, в скобках) могут быть даны пояснения к терминам. При необходимости можно также обратиться к словоуказателю (где тоже даются аналогичные пояснения) или к § 5.14.

4. Графика (т. е. графическая система грамоты). Вначале в очень сжатом (“формульном”) виде даются сведения о главных графических особенностях грамоты. “Формула” состоит из частей 1 и 2.

Часть 1: соотношение букв *ѣ* и *о* (см. § 1.8); соотношение букв *ь* и *е* (см. там же); способ передачи *ѣ* (см. § 1.9). Соответствующие сведения записываются просто подряд; графические смещения при этом обозначаются в соответствии с § 1.7. Пример: *ѣ = о, е → ь, ѣ → ѣ/ь*. При записи со знаком / (отражающей варьирование) может быть указано также количественное соотношение, например: *ѣ/ь (5/1)*, т. е. 5 раз *ѣ* и 1 раз *ь*. Символ *E* означает букву или буквы, передающие в данной грамоте фонему /e/, — реально *е* и/или *ь*; так, запись *ѣ → E* показывает, что фонемы /ѣ/ и /e/ записываются одинаково.

Запись «*ѣ* станд.» означает: буквы *ѣ* и *о* не смешиваются (т. е. распределены в соответствии с этимологией), и при этом буква *ѣ* реально в грамоте встретилась. Аналогично «*ь* станд.»: буквы *ь* и *е* не смешиваются, и буква *ь* реально встретилась.

Следует учитывать, что для этимологических сильных редуцированных в раннедревнерусский период (разделы А, Б) стандартным является написание *ѣ, ѣ, а* в позднедревнерусский (разделы В, Г, Д) — уже *о, е* (поскольку произошло прояснение). В случаях, где это хронологическое разграничение в ту или другую сторону нарушено, дается дополнительное указание: «с отражением прояснения» или, напротив, «без отражения прояснения» (в “срединном” разделе В для большей эксплицитности такие указания даются при всех грамотах со стандартной графикой).

Запись «*ѣ* станд.» означает: этимологическому *ѣ* в грамоте соответствует буква *ѣ* (и в других функциях эта буква не употребляется).

При оценке ситуации с *ѣ* (т. е. констатации его стандартности или установлении типа смещения) позиция после [j] не учитывается (см. § 1.9). Но поведение *ѣ* после [j] (особое или, напротив, такое же, как в других позициях) может быть специально отмечено, например: «*ѣ* станд. (особо: *доеди*)»; или: «*ѣ* станд. (в т. ч. после [j])».

Обобщающая запись «1) станд.» равносильна «*ѣ* станд., *ь* станд., *ѣ* станд.».

Отсутствие упоминания про *ѣ* означает, что в грамоте нет ни буквы *ѣ*, ни точек с *ѣ* (т. е. точек, где при стандартной записи стояла бы буква *ѣ*). Так же и про *ь* и *ѣ*.

В этот раздел записи включается также указание об одноеровости (= эффекте *ь → ѣ*), если такой эффект в грамоте имеется (см. § 1.10).

Часть 2: способ передачи *у*, *ѣ*, *ѣ*, начального *о* (не в составе морфемы ‘от’), начального или поствокального *и*, а также *ѣ* (см. § 1.11–12). Реально речь идет о выборе между: *оу, ѣ, у* и *ж*; *ѣ* и *е* (в начале слога); *ѣ* и *а* (в начале слога); *о* обычным (т. е. обычной ширины), *о* (широким) и *ω* (в начале слога, но не в составе морфемы ‘от’); *и* и *і* (после гласной буквы или *ѣ, ѣ*); *ѣ* и *ѣ*. “Формула” состоит здесь просто из

ответов на эти вопросы, например: *ou*, *к*, *л*, *о*, *i*, *ф*. Если для какой-то из этих единиц вообще нет материала, это звено “формулы” просто опускается.

В разделах А и Б (т. е. для грамот ранне-др.-р. периода) из данного ряда вообще исключаются вопросы про *⟨л⟩* и *⟨о⟩* — поскольку в этот период в берестяных грамотах в функции *⟨л⟩* практически всегда выступает *л*, в функции начального *⟨о⟩* (не в составе морфемы ‘от’) — практически всегда *о* обычное.

Для *⟨у⟩* запись ответа может быть сложнее, чем для прочих, поскольку здесь раздельно учитываются две позиции: начальная (т. е. в начале слога) и неначальная (т. е. после согласной). Если в грамоте *⟨у⟩* встретилось в обеих позициях, два ответа даются через знак \sim (первой идет начальная позиция), например: *ou* \sim *ou*, или *ou* \sim *у*, или *у* \sim *у*. Если *⟨у⟩* встретилось только в начальной позиции, дается запись типа: *ou* (начальн.); если только в неначальной — просто запись типа: *ou*.

В “формуле” отмечается также наличие точки внутри *о* или *о* (так наз. *о* очное: *о*, *о*) и диакритических знаков (двоеточия, точки) над неприкрытыми гласными.

После “формулы” указываются прочие графические эффекты, если они есть, например: [j] (в конце слога) \rightarrow *e*, *ы* \rightarrow *и*, *ы* \rightarrow *ь* (см. § 1.12 и 1.13). При этом, однако, для грамот из Новгорода, Старой Руссы и Пскова не отмечается эффект смешения *ц* и *ч* (поскольку он здесь присутствует почти всегда).

Сверх собственно графических особенностей, в данном разделе отмечаются имеющиеся в грамоте описки и ошибки, а также исправления, приписки над строкой и т. п. (если они не были указаны непосредственно после текста).

В особом положении находятся случаи замены *ѣ* на *и* (или взаимной мены этих букв): такая замена носит не чисто графический характер, она имеет фонетический источник (см. § 2.31). Лишь для того, чтобы не усложнять чрезмерно запись, смешение *ѣ* с *и* описывается в тех же терминах, что и смешение *ѣ* с *e* или *ь*, и потому формально попадает в раздел графики. Но в отличие от собственно графических эффектов, смешение *ѣ* с *и* обычно дополнительно комментируется (при самой “формуле” или в отдельном абзаце), а именно, указывается характер распределения разных букв, заменяющих *ѣ*.

5. Фонетические явления, получившие отражение в грамоте. Эти явления отражаются в тексте лишь косвенно (и не всегда однозначно) — через особенности написаний. Разумеется, не может быть и речи о том, чтобы в каждой из сотен статей эксплицитно формулировать фонетические заключения на основе каждой из таких особенностей. Такие заключения даются лишь в особо важных случаях. В остальном же мы просто отмечаем относящиеся к делу написания; предполагается, что читатель сам сделает выводы из этого материала (используя, если необходимо, главу 2). Круг рассматриваемых вопросов здесь таков.

Смещение *ѣ* с *и* (если оно имеется). Как уже указано, оно ради упрощения записи рассматривается вместе с графическими явлениями.

Состояние редуцированных. Эта рубрика (сокращенное наименование — «Редуцир.») дается только в разделах А, Б и В, поскольку позднее XIII века рассматривать данную тему уже не имеет смысла. Для отражения этимологических слабых редуцированных (неконечных) на письме различаются два состояния: I (старое) и II (новое). Состояние I: на письме в соответствующей точке слова еще сохраняется буква *ъ* или *ь* (или заменяющие их *о*, *e*). Состояние II: никакой из этих букв в данной точке уже нет. Имеющийся в грамоте материал по неконечным слабым редуци-

рованным оценивается с точки зрения его принадлежности к состоянию I или II и записывается по следующей форме:

Редуцир.: I — ... (следует список); II — ... (следует список).

Разумеется, во многих грамотах весь материал попадает в одну группу (только I или только II). Одна и та же словоформа может фигурировать в обоих списках — если в одной ее точке *ъ* или *ь* сохранен, а в другой отсутствует. С пометой «особо» приводятся словоформы с сочетаниями типа **TrъT* (например, *крънѣта*) и с записью [j] через *e* в середине слова (например, *поемете*). Отмечаются также примеры с сильными редуцированными — но только в грамотах, где нет графического смещения *ъ, ь* с *o, e*.

Отдельную маленькую рубрику, озаглавленную «Плавные», составляет материал по сочетаниям типа **TrъT*. Эта рубрика тоже дается только в разделах А, Б и В (в XIV–XV вв. уже полностью господствует модель *верешь – верши*).

Явления конца слова (сокращенно: «Конец слова»). Здесь прежде всего приводятся все словоформы, первоначально оканчивавшиеся на *мь*, — как те, где уже отразилось отвердение (т. е. пишется *мь* или *мо*), так и те, где еще представлено написание *мь* (или *ме*). Отмечаются также прочие написания, отражающие утрату конечной гласной (в т. ч. типа *въдае* вместо *въдаи*) или отвердение (иногда и утрату) конечной согласной. Особое внимание уделяется процессу утраты конечной гласной в 2 ед. презенса, инфинитиве и императиве. В разделах Г и Д для этих форм выписываются не только примеры с *<иъ>*, *<тъ>*, *<ь>*, но и с сохраненными *-иш*, *-ти*, *-и* (если они были безударными). Аналогично для ряда неизменяемых слов: *сѣмо – сѣмь*, *дати ‘чтобы’ – дать* и др.

Прочие фонетические наблюдения не образуют особых тематических групп. Некоторые из них приводятся полностью. Остальные представлены предельно сжатыми записями, в которых читателю предлагается обратить внимание на некоторую фонетически значимую особенность написания той или иной словоформы. Эти записи вводятся знаком «NB».

Не отмечаются самые обычные для др.-новг. диалекта явления: цоканье, отсутствие эффекта 2-й палатализации перед окончанием *-ѣ* в Д. ед., М. ед. и Р. ед., отсутствие эффекта 1-й палатализации перед окончанием *-е* в И. ед. муж.

6. Морфология. Как и в предыдущем разделе, здесь дается лишь сам материал, а его истолкование, кроме особо сложных случаев, предоставляется читателю. Основное внимание уделяется представленному в грамоте соотношению диалектных и наддиалектных морфологических черт. Вначале приводятся словоформы с характерными др.-новг. окончаниями: *-е* в И. ед. муж. (и ед. муж. перфекта), *-ѣ* (при твердой основе) в Р. ед. жен., И. В. мн. жен., В. мн. муж., И. мн. муж., *-ови* в Д. ед. муж., *-а* в И. В. дв. сред., *-ѣѣ*, *-ѣи*, *-ѣмь* в адъективном склонении, окончания без *-тъ* (*-сть*) в презенсе, *-ите* (при твердой основе) в императиве, *-а* (при твердой основе) в причастии презенса и т. д. (подробнее см. главу 3). После этого приводятся (обычно со словами «с другой стороны») примеры с наддиалектными окончаниями, нехарактерными для др.-новг. диалекта, — прежде всего *-ъ* в И. ед. муж., *-ы* в Р. ед. жен., *-ы* в И. В. мн. жен. в сочетаниях с *три*, *четыри*.

Далее могут быть указаны (обычно со словом «отметим») прочие словоформы, представляющие морфологический интерес (с диалектологической точки зрения неоднозначные), например, презенс с *-тъ*, И. В. мн. жен. на *-ы* (не после *три*, *четыри*) и т. д. Отмечаются, в частности, различные редкие формы (малоупотребительные гла-

гольные времена и т. п.), примеры, отражающие те или иные более поздние инновации, эволюцию категории одушевленности и т. д.

Специально выделяется тот особый частный случай, когда в грамоте представлены, с одной стороны, характерные диалектные формы — *-ѣ* (при твердой основе) в Р. ед. жен., И. В. мн. жен., В. мн. муж., окончания без *-тъ* (*-сть*) в презенсе, *-ите* (при твердой основе) в императиве и др., с другой — наддиалектная форма И. ед. муж. на *-ъ*. Он обозначается формулой «морфология диалектная с коррекцией» (см. § 3.6).

К собственно морфологическим данным могут быть присоединены также сведения об употреблении форм, в частности, о беспредложных локативах и дативах, несогласованных причастиях и др.

7. Прочие комментарии. Отмечаются наиболее интересные синтаксические особенности текста. Комментируются слова и выражения, ранее не встречавшиеся или просто редкие, а также некоторые из имен собственных. Может быть обсужден вопрос о диалектной принадлежности и стилистических свойствах грамоты.

При разборе отдельного слова или словосочетания оно может цитироваться либо непосредственно в том написании, которое представлено в грамоте, либо, если это почему-нибудь удобнее, в нормализованном виде (причем использование знака < > в этом случае не обязательно). В разделах А и Б используется нормализация, ориентированная на ранне-др.-р. состояние (например, *въдати*, *Несѣда*, *Твърдила*), в разделах В, Г, Д — ориентированная на поздне-др.-р. состояние (*вдати*, *Несѣда*, *Твердила*). Если обсуждается развитие слова на многовековом интервале, оно обычно называется в ранней форме (скажем, «история глагола *въдати*»).

Могут быть приведены параллели из других источников, помогающие прояснить смысл слова (выражения) или характер синтаксической конструкции. Требование краткости не позволяло нам, однако, сильно расширять число таких параллелей (хотя нередко это было бы довольно легко). В частности, мы старались по возможности избегать переписывания примеров из хорошо известных словарей, ограничиваясь большей частью простой отсылкой.

Что касается имен собственных, то здесь пояснения даются лишь выборочно — преимущественно для имен неочевидной структуры. Общие сведения о структуре имен собственных в др.-новг. диалекте см. в § 5.4–11 и в Лингв., § 60.

8. Грамоты, не разбираемые индивидуально. Большинство грамот этой категории собрано в специальных статьях, помещенных в конечной части соответствующих разделов; остальные включены в состав обычных статей. Для каждой такой грамоты в обязательном порядке даются только общие сведения и текст. Перевод и разбор как правило отсутствуют; но могут быть даны те или иные пояснения (не ограничиваемые какой-либо общей схемой). Текст таких грамот обычно печатается в строчку, причем со следующим упрощением: знаки (...|) и (|...), за исключением некоторых особых случаев, не используются (опускаются), например, вместо (...|) ... **коуль** дается просто ... **коуль**.

Заметим, что изложенная здесь общая схема описания соблюдается ниже без чрезмерной жесткости: в индивидуальных случаях возможны различные отклонения от нее. Если для какого-либо из пунктов или подпунктов схемы нет материала, соответствующий раздел комментариев просто опускается. Если рассматривается блок грамот, то комментарии по пунктам 4–7 обычно даются сразу для всего блока.